

Не успели они вволю подурачиться в постели, как зазвонил телефон. На экране высветилось имя Лян Яня.

Голос Лян-да звучал донельзя расслабленно:

— Алло, Жуйхэ? Ну как, вчерашняя репетиция прошла успешно?

— Вполне, — отозвался Чэ Жуйхэ.

Он лежал прямо на Цзянь Лине, впитывая его тепло, а тот лениво перебирал его мягкие волосы.

— Ого, судя по тону, настроение у тебя отличное, — хмыкнул Лян Янь. — Видать, приветственный ужин удался на славу!

При упоминании ужина оба невольно смутились. Чэ Жуйхэ кашлянул и пошёл в атаку:

— Ты ещё смеешь это вспоминать? Сам-то почему не пришёл? Обещал же заглянуть позже. Совсем не уважаешь Цзянь Линя?

— Ах да, забыл предупредить: у господина Ли планы резко поменялись, так что я в тот же вечер собрал шмотки и улетел на Хайнань. — Лян Янь сделал паузу. — Но я же отправил Цзянь Линю сообщение, он разве не передал?

Жуйхэ промолчал, а Лян-да продолжил:

— А, ну да, я опять забыл... Ты же на него всё ещё зуб точишь.

Лян Янь вдруг резко втянул воздух:

— Стой-ка... Вчера же в сети видео гуляло, как вы в студии обнимаетесь. Кажется, лёд тронулся? Ну и как тебе? Полгода прошло, признайся — мастерство господина Цзяня тебя покорило? Давай, старайся лучше, фанаты уже всюю вас шипперят! Нельзя упускать такой трафик.

— Шигэ! Ты можешь хоть раз сказать что-то дельное? — Чэ Жуйхэ в панике вскинул голову и наткнулся на пристальный взгляд Цзянь Линя.

Тот смотрел на него глубоким, тёмным взглядом и одними губами переспросил:

— «Зуб точишь»?

— Что за звук? Жуйхэ, ты там не один? — донеслось из трубки.

— Нет-нет-нет, я один! — поспешно соврал Чэ Жуйхэ.

— Да неужели?

— Угу, — кивнул он в трубку.

В ту же секунду Цзянь Линь, словно в наказание, обхватил его сзади за талию и слегка прикусил мочку правого уха.

— А-ах... — не сдержавшись, вскрикнул Жуйхэ.

Он тут же развернулся, повалил Цзянь Линя на кровать и, яростно глядя на него, беззвучно проартикулировал: «Будешь мешать — вышвырну за дверь».

— Жуйхэ? Что случилось? — подозрительно спросили на том конце провода.

Цзянь Линь лишь нежно улыбнулся в ответ. Рассерженный Чэ Жуйхэ выглядел настолько соблазнительно, что Цзянь Линь не удержался — подался вперёд и поцеловал его.

До Лян Яня сквозь динамик донеслась возня и какие-то приглушённые звуки...

Сейчас Лян-да нежился в шезлонге под морским бризом. Сдвинув солнечные очки, он в недоумении уставился на экран смартфона, а потом снова прижал его к уху:

— Жуйхэ? Алло!

— Да, я тут! — голос на другом конце звучал глухо, будто телефон отбросили куда-то в сторону.

— Да что ты там делаешь?! Алло! Алло?

Раздались короткие гудки. Трубку повесили.

***

— Хватит уже, — Чэ Жуйхэ упёрся руками в грудь Цзянь Линя, пытаясь отстраниться. Он сильно покраснел.

Цзянь Линь перехватил его запястья, завёл их за спину и прижал парня к матрасу так, что тот не мог шевельнуться. Склонившись к самому уху Жуйхэ, он прошептал:

— Значит, ты на меня зуб точишь? Объяснись.

— Не слушай его, он всё врёт, — пробормотал Жуйхэ. Левая щека его была плотно прижата к простыне, из-за чего голос звучал невнятно.

— В этот раз я склонен верить господину Ляну, — Цзянь Линь коснулся поцелуем кончика его носа, а потом нежно убрал волосы со лба и поцеловал в висок. — Если не получу внятных объяснений, мы сегодня из этой комнаты не выйдем.

— Ладно-ладно, я всё скажу, только пусти, — сдался Жуйхэ.

Он так покраснелся, что казалось, он вот-вот сгорит. Цзянь Линь нехотя отстранился, продолжая жадно изучать его черты.

Жуйхэ облизнул пересохшие губы и сердито буркнул:

— Ты тогда увёл у меня роль. Кто бы на твоём месте не злился? Роль Му Няньчэня изначально предназначалась мне! Это ты должен был быть шоу-и... Но из-за тебя шигэ решил всё переиграть.

Услышав это, Цзянь Линь на мгновение опустил глаза, а затем снова коснулся его щеки. Его взгляд стал яснее.

— Я сделал это нарочно.

Чэ Жуйхэ буквально вскипел:

— И что, ты этим гордишься?

Цзянь Линь снова его поцеловал — легонько, почти невесомо.

— Ну и что мне сделать, чтобы ты перестал дуться? Я готов загладить вину.

— Что угодно?

— Что угодно.

— Тогда переписываем сценарий. Я хочу быть сверху.

— Это исключено.

Жуйхэ оттолкнул его:

— Эй! Ты же сказал — что угодно! Опять жульничаешь?

— Всё, кроме этого.

— Ну, тогда... — Жуйхэ осторожно покосился на него. — Будешь мыть мне ноги три недели подряд. Так уж и быть, тогда я тебя прощу.

Взгляд Цзянь Линя вспыхнул. Его голос стал низким и бархатным — в эту минуту он поразительно напоминал того самого Мэн Чжихэ, благородного и глубоко влюблённого.

— Хорошо. Я готов мыть их тебе всю жизнь.

— Эй, ты чего удумал?

Цзянь Линь, точно огромный кот, привалился к нему всем телом, словно только это прикосновение могло подарить ему покой. Он обнял Жуйхэ, поймал его ладонь и прижался губами к костяшкам пальцев.

— Ты ведь не жалеешь, что тогда бросил финансы?

— Конечно нет, — без малейших колебаний ответил Чэ Жуйхэ. — И никогда не пожалею.

— Другого от своего избранника я и не ожидал, — улыбнулся Цзянь Линь. — А когда дедушка Чэ передал тебе «Жуйлун»... Тебе было очень тяжело?

— Не то слово. — При одном воспоминании об этом Чэ Жуйхэ почувствовал, как к горлу подкатывает ком. Больше всего на свете он не хотел бы снова пережить то чувство собственного бессилия и безысходности.

Тогда он только выпустился из университета. Старейшина Чэ, желая проучить внука за самовольную смену факультета, насильно всучил ему руководство «Жуйлун» и заблокировал все его счета.

Привыкший сорить деньгами, Жуйхэ обнаружил, что остался с девятью сотнями юаней в кармане. В Ханьчэне этого едва хватило бы на месяц аренды самой дешёвой каморки на

окраине, и то — пришлось бы сидеть на одной воде.

В то утро Жуйхэ потратил несколько часов, пытаясь сбыть свой дорогуший пуховик. В итоге какой-то пацан на байке, нагло пользуясь тем, что вещь ношенная, выторговал её всего за пятьсот пятьдесят юаней, хотя новая она стоила три тысячи. Сердце кровью обливалось от такой сделки, но Жуйхэ понимал: пятьсот пятьдесят юаней — это еда на пару недель.

Пожалуй, в тот момент он был самым нищим президентом во всём Ханьчэне.

Несколько месяцев он буквально жил в своём кабинете. Ел там, спал, умывался... Движимый упрямством и желанием доказать деду, что он чего-то стоит, Жуйхэ штурмовал горы финансовой литературы. Он учился с утра до глубокой ночи — даже перед выпускными экзаменами он так не выматывался.

Чэ Жуй, сгорая от жалости, тайком пыталась подсунуть ему денег или новую карту, но Жуйхэ и старик были из одного теста — оба упрямые до невозможности.

Он тогда отрезал тёте:

— Не надо унижать меня своими подачками. Когда дед меня выгонял, он о доброте не думал. Проваливайте, я и без вас не пропаду!

Это время стало периодом его самого стремительного роста. К изумлению старейшины Чэ, этот «зелёный» новичок всего за год вывел «Жуйлун» на стабильную прибыль.

Видать, пока жареный петух не клюнет, толку не добьёшься.

— Но как ты всё-таки обучился бизнесу?

От вопроса Цзянь Линя воспоминания Жуйхэ развеялись. Он задумчиво коснулся стопки бумаг на столе.

— Я занимался самообразованием. Не скажу, что стал великим спецом, но основы ухватил.

— Полгода назад тётя записала меня на курсы в какую-то финансовую академию, но я там всего один раз, — Жуйхэ моргнул. — Надо будет их закрыть. Времени нет, да и скучно там всё.

Свободное время было лишь половиной проблемы. Куда больше его раздражала тамошняя публика: девяносто процентов приходили туда ради связей и пустой болтовни. Все эти господа в отутюженных костюмах сидели на лекциях с важным видом, а в перерывах натягивали фальшивые улыбки и хвастались своими крошечными заводиками, расписывая их так, будто владели транснациональными корпорациями.

В первый же день Жуйхэ окружили такие дельцы и полчаса «приседали на уши» со своими предложениями. На редкость паршивое было ощущение.

— Ну и правильно, бросай их. Тебе не нужны эти занудные лекции, когда под боком есть такой отличный учитель, как я, — Цзянь Линь легонько сжал его затылок. — Сыграй мне что-нибудь.

— Что? — Жуйхэ нахмурился.

Цзянь Линь поднял голову и посмотрел на него с горячей надеждой:

— Ту мелодию из «Восемнадцати лет». Хочу услышать её в твоём исполнении.

Воздух в комнате словно застыл. Жуйхэ долго смотрел на него, прежде чем молча подняться с кровати.

Цзянь Линь сел и стал терпеливо ждать.

Он и представить не мог, какая внутренняя борьба сейчас раздирала Жуйхэ.

Они поднялись на третий этаж. Длинный коридор упирался в окно, за которым плыли бескрайние облака; свет, заливавший пространство, слепил призрачной белизной. Тишину нарушил лишь звон ключей. Чэ Жуйхэ толкнул тяжёлую дверь, которая не открывалась уже очень давно.

Комната была небольшой, но залитой солнцем. Лучи падали на белый мрамор пола и отражались в хрустале люстры, рассыпаясь радужными бликами. В воздухе витал тонкий аромат свежести — здесь прибирались каждый день, но лишь для порядка. В самом центре комнаты стоял чёрный рояль. В его неподвижности чувствовалось какое-то глубокое, щемящее одиночество.

Чэ Жуйхэ медленно подошёл к инструменту. Он коснулся клавиши «до» первой октавы, а затем плавно провёл рукой по всему ряду.

— Я не прикасался к нему много лет, — негромко произнёс он. — Даже не помню, сколько точно.

Он смотрел на клавиши, и у него потихоньку начала кружиться голова.

Застыв на мгновение, он наклонился и выдвинул ящик небольшого комода.

— Если память мне не изменяет, они должны быть здесь... Да, точно. Вот они.

Среди стопки нот он безошибочно вытянул нужную партитуру. Обернувшись, он улыбнулся — открыто и немного грустно.

— Давно не практиковался, пальцы совсем одеревенели. Так что не суди строго. Считай, что так я возвращаю тебе долг.

Цзянь Линь смотрел на него, затаив дыхание. Сердце колотилось так бешено, будто он снова стал тем влюблённым мальчишкой, чей мир сошёлся в одной точке.

<http://bllate.org/book/17503/1662319>